

Anastassiya Starodubtseva
Uniwersytet Jana Kochanowskiego w Kielcach

НОВЫЙ УЧЕБНИК ИСТОРИИ РОССИИ (2023) КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОПАГАНДЫ: НЕКОТОРЫЕ КЛЮЧЕВЫЕ НАРРАТИВЫ

New Russian History Textbook (2023) as a Tool of State Propaganda: Some Key Narratives

ABSTRACT: The article analyses the Russian history textbook for 11th-grade students, written by Vladimir Medinsky and Anatoly Torkunov, and introduced into Russian schools in 2023. The textbook is of particular interest due to its pronounced ideological orientation and the presence of propagandistic narratives that mirror those found in pro-government Russian media discourse. The aim of the article is to examine the key narratives, rhetorical strategies, and ideological markers present in the textbook, with a focus on how they construct interpretations of Russia's relations with the West, Ukraine, and the so-called 'special military operation'. Content and discourse analysis methods are employed to uncover the mechanisms through which these narratives and markers function as tools of state propaganda and political indoctrination.

KEYWORDS: Russian history textbook, ideological narratives, rhetorical strategies, semantic manipulation

Введение

В последние годы риторика российских властей всё в большей степени формируется под воздействием идеологических установок, направленных на консолидацию общества вокруг нарратива о «великой» роли России, её особом пути, культуре и духовности, а также противостоянии Западу.

Современная российская пропаганда охватывает различные слои общества и возрастные группы. Взрослой аудитории эти идеи транслируются через телевидение, печатные СМИ, социальные сети и онлайн-платформы – такие как YouTube, «ВКонтакте», Telegram, Instagram. В результате формируются «информа-

ционные пузыри»¹, внутри которых доминирующие нарративы циркулируют без серьёзной критики или альтернативных точек зрения. Однако влияние пропаганды не ограничивается только медийным пространством – она активно проникает и в систему образования, формируя у подрастающего поколения лояльное отношение к действующей власти².

Одним из инструментов этого воздействия стало внедрение в школьные программы «обязательных компонентов патриотического воспитания»³, предполагающих формирование представлений о необходимости сильного государства, легитимации централизованной модели власти и героической роли России на мировой арене. Особая роль в этом контексте принадлежит школьным учебникам, содержание которых в последние годы претерпело значительные изменения⁴.

С 1 сентября 2023 г. во всех российских школах введены новые учебники истории для 10 и 11 классов, распространяющиеся также на оккупированные территории Украины – Донбасс, Запорожскую и Херсонскую области. Рассматриваемый в данной статье учебник *История России. 11 класс*⁵ подготовлен Владимиром Мединским и Анатолием Торкуновым⁶ и представляет собой важнейший инструмент распространения официально одобренных государством нарративов как внутри страны, так и в зонах геополитического конфликта, наглядно демонстрируя ключевую роль образования в реализации широкой пропагандистской стратегии российского государства. В новой редакции существенной переработке подверглись разделы, посвящённые 1970-2000-м годам, а также был добавлен новый блок, охватывающий период с 2014 г. до настоящего времени, включая так называемую «специальную военную операцию»⁷.

Данная статья посвящена анализу ключевых нарративов, риторических приёмов и идеологических маркеров, используемых в школьном учебнике истории для формирования представлений о таких актуальных темах, как отношение России к Западу, трактовка событий в Украине и «специальная военная

¹ M. Löblich, N. Venema, *Echo chambers*, [in:] *Digital roots: Historicizing media and communication concepts of the digital age*, Oldenbourg 2021, p. 183.

² J.M. Sproule, *Channels of Propaganda*, Bloomington 1994, p. 191.

³ E. Lisovskaya, V. Karpov, *Russian Education Thirty Years Later: Back to the USSR?*, “European Education” 2020, vol. 52 (3), p. 293.

⁴ T. Tsyrlina-Spady, A. Stoskopf, *Russian History Textbooks in the Putin Era: Heroic Leaders Demand Loyal Citizens*, [in:] *Globalisation and Historiography of National Leaders: Symbolic Representations in School Textbooks*, Dordrecht 2017, p. 15.

⁵ В. Р. Мединский, А. В. Торкунов, *История. История России. 1945 год – начало XXI века. 11 класс. Базовый уровень*, Москва 2023.

⁶ В. Р. Мединский – историк и политический деятель, бывший министр культуры РФ (2012-2020), ныне советник президента В. В. Путина. А. В. Торкунов – профессор, дипломат, ректор МГИМО.

⁷ Примером семантической манипуляции служит эвфемистическое обозначение полномасштабного военного вторжения и фактического объявления войны термином «специальная военная операция».

операция». Эти темы занимают центральное место в современной медиаповестке России.

Актуальность исследования обусловлена тем, что образовательные программы, включая новый учебник истории, становятся важным инструментом государственной пропаганды, направленной на формирование у школьников определённого политического и исторического мировоззрения. Научная новизна работы заключается в том, что, несмотря на наличие исследований, рассматривающих идеологическую направленность учебников истории России⁸, они до сих пор не были предметом детального лингвистического анализа.

В рамках настоящего исследования применялись методы контент-анализа для выявления идеологических маркеров, ключевых тем и риторических стратегий, а также методы дискурс-анализа, позволившие проследить, каким образом с помощью лексических и стилистических средств формируется определённая картина мира.

Учебники по истории России как инструмент государственной пропаганды

Авторитарные и тоталитарные режимы традиционно используют систему образования не только для формирования исторической памяти, но и для внедрения конкретных политических и идеологических установок с раннего возраста. При этом зачастую подавляются альтернативные точки зрения, а доминирующими становятся нарративы, выгодные власти⁹. Контролируя содержание учебных материалов и подготовку педагогов, такие режимы превращают школы в механизм идеологического воспроизводства¹⁰.

В подобных системах особая роль отводится именно школьным учебникам по истории, поскольку данная дисциплина – один из ключевых инструментов формирования коллективной памяти и национальной идентичности. Во-первых, школьный курс истории тесно связан с представлениями о национальной идентичности: он определяет, кто такие «мы» как народ, кто «наши» герои и, что особенно важно, кто «наши» враги. В результате в учебнике выстраивается ли-

⁸ G. Khasanova, *Nation-building and values in Russian textbooks*, [in:] *Nation-Building and Common Values in Russia*, Lanham 2005; J. Zajda, R. Zajda, *Globalisation, ideology and the politics of history school textbooks: Russia*, “Education and Society” 2012, vol. 30 (3); K.V. Korostelina, *Legitimizing an authoritarian regime: Dynamics of history education in independent Russia*, [in:] *(Re)Constructing Memory: School Textbooks and the Imagination of the Nation*, ed. by James H. Williams, Rotterdam 2014; D. Moskwa, „Putinowska” wizja przeszłości. Nowa koncepcja nauczania historii w świetle polityki historycznej Federacji Rosyjskiej, „Historia i Polityka” 2014, nr 18 (11); M. Kurbak, ‘Living the last chapter of History’: Anxiety as a force for rewriting history textbooks in Putin’s Russia and before, “Memory, Mind & Media” 2023, № 2.

⁹ M. Carretero, *Constructing patriotism: Teaching history and memories in global worlds*, Charlotte 2011, p. 14.; M. Apple, *Ideology and Curriculum*, London 2004, p. 59.

¹⁰ H.A. Giroux, *Ideology, culture & the process of schooling*, London 1984, p. 70.

нейное повествование, в котором современная власть предстаёт как закономерный итог героического исторического пути.

Во-вторых, история воспринимается как наука, основанная на фактах, что придаёт изложенному в учебниках определённый авторитет. Ученики, как правило, не подвергают сомнению представленные в них сведения, принимая их за объективную истину. Это создаёт иллюзию нейтральности, тогда как содержание может быть тщательно отобрано и отредактировано в соответствии с риторикой политического режима. Подобная практика включает искажение или замалчивание отдельных событий прошлого, в результате чего формируется избирательная память, легитимизирующая действия и политику правящей элиты.

Наконец, школьные учебники охватывают широкую аудиторию – с младшего школьного возраста, что позволяет начать процесс идеологического воздействия с ранних лет. Уже в детстве и подростковом возрасте у учащихся формируются устойчивые установки, воспринимаемые как нечто самоочевидное и естественное.

Обращение к образованию как средству политического влияния в современной России во многом восходит к советскому опыту, когда коммунистическая идеология внедрялась в массовое сознание через школьные программы¹¹.

В постсоветский период школьные учебники по истории в России неоднократно пересматривались и обновлялись в связи с политическими изменениями и ключевыми событиями. Так, распад Советского Союза и крах коммунистической идеологии в 1991 г. потребовали радикальной переработки учебного материала, который на протяжении семидесяти лет основывался на марксистско-ленинской интерпретации исторического процесса¹². Новый политический контекст Российской Федерации требовал переосмысления как содержания, так и подходов к преподаванию истории.

Однако в последние годы процесс внедрения политических, исторических и культурных установок в систему образования приобрёл особенно выраженный характер¹³. Целью такого подхода становится формирование у школьников представлений о государстве, истории и общественных ценностях, которые соответствуют идеологическим нарративам действующей власти.

Этот феномен наглядно иллюстрируется понятием «тотальной пропаганды», введённым социологом Жаком Эллюлем. По его мнению, пропаганда становится особенно эффективной тогда, когда она воспринимается как нечто естественное, не вызывающее сомнений¹⁴. В образовательной среде это проявляется в том, что

¹¹ J. Zajda, R. Zajda, *The politics of rewriting history: New history textbooks and curriculum materials in Russia*, "International review of education" 2003, vol. 49, p. 370.

¹² J. Zajda, R. Zajda, *The politics of rewriting history: new school history textbooks in Russia*, [in:] *International Handbook on Globalisation, Education and Policy Research: Global Pedagogies and Policies*, Dordrecht 2005, p. 694.

¹³ J. C. Pearce, *Nasha Istorija: The Russian Revolutions, the State, School Textbooks and Public Celebrations Under Putin*, "Revolutionary Russia" 2019, № 32 (1), p. 137.

¹⁴ J. Ellul, *Propaganda: The formation of men's attitudes*, New York 2021, p. 31.

идеологически нагруженный контент внедряется в учебные материалы под видом объективного и нейтрального знания. Тем самым создаётся иллюзия беспристрастности, за которой скрывается целенаправленное продвижение государственной повестки.

Анализ ключевых пропагандистских нарративов в учебнике

В данном разделе рассматриваются три центральных пропагандистских нарратива, которые занимают важное место в риторике российских властей и активно транслируются в рамках широкой социополитической макроповестки: отношения России с Западом, «украинский вопрос» и «специальная военная операция».

Одной из характерных черт проанализированного учебника является эмоционально насыщенное и откровенно пропагандистское изложение материала, нацеленное на продвижение имперской и милитаристской идеологической установки. В тексте широко используется лексика с выраженной экспрессивной окраской, а также оценочные формулировки, которые не соответствуют нормам академического дискурса. Подобные приёмы служат для акцентирования авторской позиции, вызова эмоциональной реакции у читателей – старшеклассников – и направляют интерпретацию событий в заранее заданное идеологическое русло.

По своей риторике учебный текст во многом сближается с медийным пропагандистским дискурсом, а не с научно-образовательным стилем изложения. Далее будут более подробно рассмотрены ключевые нарративы.

Под **нарративом** в данной работе понимается устойчивая интерпретация событий и явлений, организованная в виде целостного повествования, которое формирует у читателя определённое восприятие прошлого и настоящего¹⁵. Под **пропагандистским нарративом** подразумевается такая форма повествования, которая целенаправленно используется для легитимации политических установок и мобилизации учащихся вокруг выгодной власти версии исторической памяти¹⁶.

Примеры приводятся в оригинале, с сохранением ошибок и пропусков, чтобы передать подлинную стилистическую и содержательную специфику текста. Ключевые языковые маркеры выделены жирным шрифтом.

Россия против Запада

Это один из наиболее значимых нарративов, отражённых в учебнике, который в последнее время приобрёл заметное место в социополитическом макродискурсе в России и выражает идеологическую установку, согласно которой Запад на

¹⁵ M. Somers, G. Gibson, *Reclaiming the Epistemological "Other": Narrative and the Social Constitution of Identity*, [in:] *Social Theory and the Politics of Identity*, Oxford 1994, pp. 38-39.

¹⁶ J. Stanley, *How Propaganda Works*, Princeton 2015, pp. 48-52.

протяжении всей истории стремился дестабилизировать Россию. Этот нарратив формирует мировоззрение по принципу «мы против них»:

В мировом разделении труда Запад **уготовил** нашей стране **роль** сырьевой периферии¹⁷;

США и их европейские союзники под предлогом «защиты прав человека» **пытались оказать давление на Россию** в связи с ситуацией в Чечне. Они **стремились отколоть** Чеченскую Республику от Российской Федерации¹⁸;

В 1990-х гг. США **открыто вмешивались во внутренние дела России**. Вашингтон и его союзники **стремились поставить под свой контроль российские ресурсы** и навсегда **исключить Россию из числа ключевых держав мира**¹⁹;

Запад активно поддерживал внутренние конфликты на территории России **стремился ослабить** её обороноспособность²⁰;

Идеей фикс Запада стала **дестабилизация положения внутри России**. Сначала — по периметру её границ²¹.

Эти примеры представляют Запад как постоянного внешнего противника, якобы стремящегося дестабилизировать Россию и подорвать её суверенитет. Посредством использования эмоционально окрашенной лексики и идеологически нагруженных предикативных конструкций учебник преподносит данный нарратив учащимся как неоспоримую истину: **стремился ослабить, открыто вмешивались, стремились поставить под контроль, оказать давление, стремились отколоть**. Примечательно использование выражения **идея фикс**, которое выступает в качестве стилистического приёма, придающего высказыванию пропагандистский эмоциональный оттенок и подчёркивающего представляемую как иррациональную и безосновательную навязчивость устремлений Запада по отношению к России.

Анализ учебника выявил также использование ставшего уже прецедентным в официальной риторике негативно окрашенного идеологического термина **коллективный Запад**, обозначающего страны Европы и США:

Это было особенно непродуманное решение, поскольку ослабление военного присутствия СССР в союзных странах вызвало резкую активизацию националистических и антисоветских настроений. Этим воспользовался **коллективный Запад**²².

¹⁷ В. Р. Мединский, А. В. Торкунов, *История...*, с. 284. Жирный шрифт во всех цитатах – введён автором статьи.

¹⁸ Там же, с. 318.

¹⁹ Там же, с. 322.

²⁰ Там же, с. 323.

²¹ Там же, с. 393.

²² Там же, с. 247.

Хотя это выражение используется в контексте распада Советского Союза, а не современной России, оно тем не менее свидетельствует о проникновении пропагандистской риторики, поскольку данный термин активно применяется как в провластных СМИ, так и в политическом дискурсе.

В российском общественно-политическом макродискурсе устойчиво закрепился нарратив, представляющий вмешательство Запада как серьёзную угрозу и основную движущую силу революций, особенно в регионах, имеющих историческую значимость для России, таких как Украина:

При этом Россия **противостоит настойчивым попыткам Запада** спровоцировать в государствах СНГ внутреннюю нестабильность организовать новые «цветные революции»²³;

Ради этого в бывших республиках СССР **спонсировалась откровенная русофобия**. Далее по плану – втягивание России в череду конфликтов и «цветных революций» разбалансировка её экономики и смена власти на подконтрольную. Конечная цель при этом и не особо скрывается: это **расчленение России и контроль над её ресурсами**²⁴.

В следующих примерах представлен нарратив, направленный на формирование критического восприятия западных образовательных инициатив, касающихся истории России. Утверждается, что западные страны, в частности США и Европейский союз, якобы преднамеренно искажают исторические факты, используя учебные материалы в качестве инструментов идеологического воздействия.

На средства западных грантов издавались учебные пособия, в которых история России **преподносилась в извращённом виде**²⁵;

США и Евросоюз потратили огромные суммы на подготовку специальных образовательных программ по истории так называемых «учебников». Ни сил ни средств не жалели дабы **«перезагрузить нам мозги»** (это их профессиональный термин), убедить нас в **«извечной агрессивности и колонизаторской сущности»** России²⁶.

Примеры содержат лексические элементы, не соответствующие академическому стилю, вводящие эмоционально насыщенные и идеологически окрашенные тезисы. Такие формулировки, как **извращённый вид** и **перезагрузить нам мозги**, несут в себе негативную коннотацию и направлены не на объективный анализ явления, а на вызов негативной эмоциональной реакции у учеников.

²³ Там же, с. 378.

²⁴ Там же, с. 393.

²⁵ Там же, с. 349.

²⁶ Там же, с. 394.

Эти фразы выполняют функцию оценочной лексики, создавая субъективное впечатление и формируя восприятие темы в рамках пропагандистского нарратива.

Использование ироничных оборотов, таких как **это их профессиональный термин**, а также оценочных суждений, например, **огромные суммы**, придаёт тексту публицистический оттенок, что снижает его нейтральность и академическую достоверность. Подобный стилистический выбор превращает учебный текст в средство риторического воздействия.

Представленный нарратив включает демонизацию Запада, который изображается как враждебный актер, стремящийся ослабить Россию. При этом используется приём своеобразной «выворотной логики»²⁷: подлинные причины негативного отношения западных стран к российским имперским устремлениям и нарушениям прав человека сознательно замалчиваются. В результате создаётся впечатление, что такие действия, как давление на Россию, введение санкций или попытки подорвать её обороноспособность, были совершенно необоснованными и ничем не спровоцированными – без учёта контекста укрепляющегося авторитарного режима и его экспансионистской политики.

Украина

Центральным элементом российского общественно-политического макродискурса на протяжении последних двух десятилетий стабильно остаётся Украина, – начиная с первого Майдана и вплоть до текущей полномасштабной войны. Учебник, в свою очередь, воспроизводит ряд устойчивых нарративов, отражающих эту ретиорику.

Особое внимание уделяется событиям 2014 г., которые подаются как «госпереворот», представленный как инспирированный или даже организованный странами Запада. В рамках данного нарратива акцент делается на свержении президента Виктора Януковича и приходе к власти режима, охарактеризованного как «националистический»:

В феврале 2014 г. на Украине при прямой поддержке Запада произошёл **кровавый вооружённый мятеж**. Президент В. Янукович был свергнут **к власти пришла хунта**²⁸;

Захватившие власть в Киеве националисты не останавливались ни перед чем. 2 мая 2014 г. в Одессе **они живьём сожгли десятки протестующих** против госпереворота граждан запертых в Доме профсоюзов²⁹.

²⁷ A. Starodubtseva, *Współczesny rosyjskojęzyczny dyskurs medialny o tzw. „Russkim mirze” w krajach poradzieckich (na przykładzie Rosji, Ukrainy, Kazachstanu i Białorusi)*, praca doktorska, Uniwersytet Jana Kochanowskiego w Kielcach 2024, s. 189.

²⁸ Там же, с. 398.

²⁹ Там же, с. 398.

События Майдана 2014 г. описываются в учебнике с использованием лексики, резко отклоняющейся от академических норм из-за выраженной эмоциональной окраски и оценочного характера. Такие выражения, как **кровавый вооружённый мятеж, хунта, захватившие власть, живьём сожгли**, воспроизводят риторику, характерную для классической пропаганды, а фраза **при прямой поддержке Запада** усиливает нарратив, согласно которому Украина изображается как инструмент в идеологическом и геополитическом противостоянии между Западом и Россией – мотив, регулярно повторяющийся на протяжении всего учебника.

Также выдвигается тезис, что идея отдельной украинской национальной идентичности поощрялась ещё во времена Австро-Венгерской империи с целью ослабления влияния России и впоследствии привела к созданию вблизи её границ политического образования, враждебного российским интересам:

По лекалам австрийского Генштаба XIX в. из Украины усиленно лепили «**анти-Россию**», **враждебную России** и при этом полностью подконтрольную Западу³⁰; **Вносился раздор** и среди соседей-малороссов, подданных Российской империи, у них тоже **начинали спонсироваться антимосковские настроения**. Так в XIX в. на деньги австрийской разведки родилась националистическая «украинофильская» идея³¹.

Авторы учебника также утверждают, что Украина целенаправленно готовилась Соединёнными Штатами и НАТО для того, чтобы стать «анти-Россией»:

Киев выражал стремление обзавестись ядерным оружием. **Вступление в НАТО как государственная задача было закреплено в Конституции Украины**. Возврат Крыма (согласно военной доктрине Украины) был объявлен Киевом приоритетом номер один³²;

На обращение России к руководству США и НАТО в конце 2021 г. с предложением выработать наконец новое соглашение учитывающее интересы безопасности нашей страны Запад ответил категорическим отказом. **На украинской территории советники НАТО натаскивали Киев к наступлению на Донбасс**³³;

Постепенно **на роль главного тарана против России США и НАТО стали готовить Украину**³⁴.

В тексте воспроизводится пропагандистский нарратив, согласно которому Украина лишена самостоятельности и полностью зависит от западных стран,

³⁰ Там же, с. 397.

³¹ Там же, с. 398.

³² Там же, с. 397.

³³ Там же, с. 402.

³⁴ Там же, с. 402.

одновременно представляющий Киев как агрессивного противника, готовящегося к враждебным действиям против России. Такая интерпретация усиливает восприятие Украины как серьёзной угрозы, при этом используются оценочно окрашенные выражения, такие как **главный таран** и **натаскивали Киев**, усиливающие образ враждебности.

Следующие примеры, обладающие негативной коннотацией, служат для формирования нарратива, в котором новое киевское руководство изображается как нелегитимное и агрессивное:

И украинские силы госбезопасности **силой подавили пророссийские выступления**. Однако этого им не удалось сделать в двух регионах: в Крыму и Донбассе где сопротивление **незаконному киевскому режиму** приняло воистину всенародный характер³⁵;

Всенародное **возмущение госпереворотом в Киеве жителей Крыма** нацбаты не посмели подавить силой оружия. **Население Крыма, всегда тяготевшее к России, почти единогласно проголосовало за возвращение в единую страну**³⁶.

В то же время такие выражения, как **всенародное возмущение и пророссийские выступления**, применяются для создания впечатления широкого общественного одобрения определённой политической позиции. Референдум в Крыму представлен как почти единодушное голосование за воссоединение с Россией, что формирует идеологически окрашенный нарратив легитимности происходивших событий.

Следует отметить, что риторика учебника строится на однозначно негативном изображении действий украинского руководства и западных стран, в то время как Россия и её интересы подаются исключительно в положительном ключе. Такая структура изложения направлена на укрепление восприятия конфликта как метафизического противостояния между «добром» и «злом».

Ещё одним важным элементом в контексте Украины является использование резко негативного термина **украионацисты**, широко распространённого в российских провластных медиа:

В Краснодаре в кратчайшие сроки был восстановлен ещё один изрешечённый снарядами **украионацистов** мемориал «Непокорённые»³⁷.

Хотя это единичный пример, он наглядно свидетельствует о включении пропагандистской риторики в содержание школьного учебника.

³⁵ Там же, с. 398.

³⁶ Там же, с. 399.

³⁷ Там же, с. 409.

В тексте также затрагивается вопрос статуса русского языка в Украине. Следующие примеры отражают нарратив, акцентирующий внимание на так называемом насильственном подавлении русского языка и культуры после 2014 г.:

Это **озлобленное национальное, языковое, культурное насилие агрессивного меньшинства** над большинством. Ведь до 2014 г. 80 %³⁸ населения Украины составляли люди, для которых русский язык, русская культура считались родными, и они об этом не боялись заявлять³⁹;

Но после военного переворота в Киеве в 2014 г. **поэтапно под запретом** оказались и русские книги, и музыка, и кино, и даже мультфильмы⁴⁰;

Ограничено преподавание русского языка и на русском языке, **использование** русского языка в любых официальных учреждениях **запрещено**⁴¹;

Русская культура **официально объявлена культурой вражеской, культурой «колонизаторов» и «оккупантов»**⁴².

Авторы также выдвигают любопытную интерпретацию статуса украинского языка:

Грустно об этом говорить, но **насилию подвергся** и сам украинский язык: люди, закончившие украинские школы в советское время, в **недоумении**: они нередко с трудом понимают современную **«мову»**. А дело в том, что в современном украинском образовании **правят бал** выходцы с Западной Украины, **агрессивно навязывающие свой диалект**, свою картину мира, **свою версию «истории»**⁴³.

Ученикам предлагается нарратив культурного конфликта и внутреннего раскола, в рамках которого одна часть украинского общества (прежде всего западные регионы) якобы оказывает давление на другую – восточную часть страны, географически и лингвистически более близкую к России. Подобная подача формирует иллюзию необходимости оправдания так называемой «специальной военной операции», о которой говорится далее в тексте.

В данном фрагменте также используется лексика, нарушающая нормы академического стиля. Кавычки вокруг слов **мова** и **история** придают этим понятиям иронично-скептический оттенок, вызывающий сомнение в их легитимности. Эмоционально окрашенные выражения, такие как **насилию подвергся** и оце-

³⁸ Эти цифры являются заведомо завышенными. По данным социологического исследования Института социологии НАН Украины (2008), 65,1 % респондентов назвали родным украинский язык, 33,1 % – русский. С. Головаха, Н. Паніна, *Українське суспільство 1994-2000*, Київ 2008.

³⁹ Там же, с. 396.

⁴⁰ Там же, с. 396.

⁴¹ Там же, с. 396.

⁴² Там же, с. 396.

⁴³ Там же, с. 396.

ночное причастие **агрессивно навязывающие**, усиливают субъективность изложения. Разговорные обороты, например, **правят бал**, понижают стилистический регистр текста до публицистического или бытового дискурса.

Отдельного внимания заслуживает также включение в текст украинских слов и выражений. Как видно из предыдущего примера, в тексте встречается украинское слово **мова**, наряду с другими лексическими вкраплениями:

Тогда же для «славянских» военных частей в австрийской армии был придуман и внедрён «украинский» **«жовто-блакитный»** флаг⁴⁴;

Самым известным кличем госпереворота – «Евромайдана» в 2014 г. стала речёвка беснующейся толпы на площади Независимости («**Майдане Незалежності**»): **«Хто не скаче, той москаль!»** Перевод, думаем, не требуется⁴⁵;

Сегодня вновь, как и в годы нацистской оккупации, на Украине широко распространены лозунги **«Москаляку на гиляку»** и **«Бей русню»**⁴⁶.

Приведение примеров на украинском языке в учебнике явно носит эмоционально заряженный характер. Употребление фразы **перевод, думаем, не требуется** вносит в текст элемент сарказма и иронии. Примечательно также наличие орфографических ошибок в написании украинского топонима **Майдан Незалежності** и в цветах флага – **жовто-блакитний**. Согласно нормам украинской орфографии, правильные формы – **Майдан Незалежності** и **жовто-блакитний**.

Хотя невозможно с уверенностью утверждать, были ли эти ошибки преднамеренными, в контексте общей риторики учебника их можно интерпретировать как маркеры отношения к украинскому языку как к «второстепенному» или «менее значимому».

«Специальная военная операция»

При изложении недавних исторических событий, в особенности вторжения России в Украину в 2022 г., в учебнике наблюдается усиление публицистического тона, что особенно заметно в разделе, посвящённом так называемой «специальной военной операции».

Упоминание этого события ограничено кратким абзацем, в котором приводится цитата президента Владимира Путина, утверждающего, что Россия якобы не начинала военных действий, а, напротив, стремится их завершить:

Мы не начинали никаких боевых действий, мы пытаемся их закончить. Эти боевые действия были **начаты националистами** на Украине в 2014 году, когда

⁴⁴ Там же, с. 397.

⁴⁵ Там же, с. 398.

⁴⁶ Там же, с. 407.

был совершён государственный переворот. С этого всё началось. После этого последовали события в Крыму и на Донбассе⁴⁷.

Этот пример иллюстрирует приёмы манипулятивной пропаганды, демонстрируя попытку повлиять на восприятие событий посредством стратегически выстроенного нарратива. Ответственность за начало военных действий перекладывается на другую сторону – в данном случае на **националистов на Украине**. Кроме того, искажаются причинно-следственные связи: происхождение сложного конфликта упрощается и сводится к одному событию – по версии учебника, имевшему место **перевороту** в Украине. Такая подача создаёт иллюзию однозначной и логичной цепочки событий, при этом полностью игнорируя действия самой России и её роль в эскалации конфликта.

В этом разделе представлена интересная интерпретация термина **русские люди**, который трактуется как обозначение всех народов России, а не исключительно этнических русских:

В истории России во все времена **русские люди** (а значит, и **великороссы**, и **татары**, и **украинцы**, и **дагестанцы**, и **башкиры** – все народы нашей великой страны) вставали на защиту Родины⁴⁸.

Примечательно, что термин *великороссы* в современном политическом дискурсе встречается крайне редко и, как правило, используется в историческом или этнографическом контексте. Его включение в учебник, по-видимому, может иметь несколько интерпретаций. С одной стороны, оно может служить цели отделения «исконно русского» элемента от других восточнославянских народов – таких как украинцы и белорусы – тем самым подчёркивая иерархию, доминирование и укрепляя имперские представления о централизации и превосходстве. С другой стороны, подобное использование термина может рассматриваться и как конструирование образа «общерусской» этнополитической общности, восходящей к традиции Древней Руси, что также характерно для пропагандистской логики.

Также показательно, что используется этноним **украинцы**, а не **малороссы**, что в противном случае придало бы риторике ещё более идеологизированный и уничижительный оттенок.

В учебнике содержится отдельный раздел, посвящённый участникам «специальной военной операции», в котором они представлены в героическом и положительном свете. Акцент сделан на их подвигах, общественной поддержке и образе защитников Отечества. Такой подход, по всей видимости, направлен на формирование положительного восприятия как самих событий, так и вовле-

⁴⁷ Там же, с. 403.

⁴⁸ Там же, с. 410.

чённых в них лиц, что соответствует более широкой пропагандистской задаче учебника:

Добровольцы, жители Донбасса **вставшие на защиту своих семей** от украинских националистов сразу после кровавого переворота в Киеве⁴⁹;

Их имена и их **ежедневный подвиг** соединяются в **тысячелетней летописи российской истории** с деяниями миллионов их **героических предшественников**⁵⁰;

Наши военные и добровольцы, врачи, учителя, строители, волонтеры – это **настоящие не выдуманные герои нашего времени...** Они – **пример чести и мужества**⁵¹.

Участники представлены с использованием глорифицирующих формулировок вроде **настоящие, не выдуманные герои и пример чести и мужества**, а также описаний, таких как **вставшие на защиту своих семей**, что усиливает их положительный образ и служит примером героизации. Сравнение с подвигами **миллионов их героических предшественников** устанавливает историческую преемственность с поколениями участников прошлых войн, тем самым укрепляя нарратив о непрерывности традиций и национальной гордости.

Описания социальных акций и мероприятий – например, сбор подарков и гуманитарной помощи – наряду с упоминаниями о культе гордости, направлены на создание иллюзии всеобщей общественной поддержки и сплочённости вокруг «специальной военной операции»:

Поддержка людей выразилась в **сборе подарков** для военнослужащих, **гуманитарной помощи** жителям новых регионов, в **настоящем культе гордости** за бойцов СВО⁵²;

СВО **сплотила наше общество** людей разных возрастов и профессий ...⁵³.

Отдельные контексты усиливают идеологический эффект, изображая «специальную военную операцию» как событие, наполненное героическими личными судьбами:

Владимир Жога, полковник армии ДНР, сражался в ополчении, получил четыре тяжёлых ранения. **Погиб в бою, прикрывая выход мирных жителей**⁵⁴;

Фельдшер Екатерина, **накрыла собой тяжелораненого бойца**, сама получила **осколочное ранение но спасла солдата**⁵⁵.

⁴⁹ Там же, с. 412.

⁵⁰ Там же, с. 415.

⁵¹ Там же, с. 415.

⁵² Там же, с. 408.

⁵³ Там же, с. 408.

⁵⁴ Там же, с. 411.

⁵⁵ Там же, с. 414.

Подобные примеры демонстрируют риторические параллели с описаниями участников Великой Отечественной войны, которые также широко распространены в современном общественно-политическом макродискурсе. Это сходство может быть связано с применением манипулятивных пропагандистских приёмов, в которых проводится аналогия между участниками «специальной военной операции» и ветеранами Великой Отечественной войны, тем самым создаётся иллюзия их равнозначности.

На протяжении всего учебника, как и в целом в современной российской пропаганде, активно используется риторический приём, известный как «выворотная логика» – полная инверсия смыслов: «чем хуже – тем лучше», «чёрное – это белое» и наоборот. Так, например, обсуждая частичную мобилизацию граждан, проходившую в России осенью 2022 г., учебник преподносит её в контексте обострения военных действий со стороны Украины и стремления Запада нанести поражение России:

Запад сделал ставку на то, что «война может быть выиграна только на поле боя». Боевые действия со стороны Украины резко активизировались. **Стало очевидно, что Западу любой ценой нужно поражение России. В этих условиях никаких других альтернатив у России не оставалось.** Осенью 2022 г. в России была проведена частичная мобилизация граждан, ранее проходивших службу в армии⁵⁶.

Важным аспектом данного примера является навязывание школьникам пропагандистского нарратива, широко распространённого в политическом и медийном дискурсе: **«Мы никогда не нападаем, мы только защищаемся».** Этот нарратив формирует искажённое восприятие действий государства, представляя Россию как страну, которую якобы постоянно вынуждают к участию в войнах. Подобная подача соответствует классическим приёмам государственной пропаганды и перекликается с настроениями, отражёнными, например, в строке из советской песни: **«мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути».**

Более того, в учебнике подчёркивается, что информация о «специальной военной операции» якобы может быть искажённой, ложной или подверженной манипуляции, при этом авторы делают акцент на том, что подобные методы дезинформации используются по всему миру. Этот приём соответствует известной пропагандистской тактике, получившей название **монополизация истины**⁵⁷ – когда определённый источник (в данном случае государственный) заявляет исключительное право на «правдивое» представление событий, дискредитируя все альтернативные версии и интерпретации.

Узнавая в Интернете любую информацию о происходящем на Украине сейчас, помните: мировая индустрия по производству постановочных роликов, вбросов,

⁵⁶ Там же, с. 407.

⁵⁷ G. S. Jowett, V. O'Donnell, *Propaganda & Persuasion*, London 2019, pp. 292-293.

фейковых фото и видео **работает непрерывным конвейером**. Западные соцсети и СМИ, доминирующие в мировом информационном пространстве, с энтузиазмом **тиражируют любые информационные «утки»**. Поэтому будьте бдительны. Думайте: почему, зачем и за что «отрабатывают новости» те или иные «оппозиционеры», «лидеры мнений», «популярные блогеры» и т. п. В чьих интересах? Думайте. И тогда вы не станете жертвами **дешёвых манипуляций**⁵⁸.

В тексте используются такие выражения, как **постановочные ролики, фейковые фото и видео, информационные утки и дешёвые манипуляции**, все из которых характерны для российской медийной риторики и несут ярко выраженную негативную окраску, а такие выражения, как **«оппозиционеры», «лидеры мнений» и «популярные блогеры»**, заключены в кавычки, что придаёт им ироничный оттенок, снижает их достоверность и представляет этих лиц как источники дезинформации или манипуляций.

Заключение

Современное российское государство активно интегрирует пропаганду в систему образования, связывая её с информационной политикой и политикой исторической памяти с целью продвижения идеологически окрашенной версии истории, легитимирующей действующий политический режим. Введение нового учебника истории в 2023 г. ярко иллюстрирует этот подход: в него встроены нарративы, оправдывающие действия России на международной арене, включая аннексию Крыма и войну в Украине. Эти события подаются как «исторически обоснованные» и отражающие волю народа, тогда как критика Запада и санкционной политики последовательно изображается в негативном свете.

В учебнике используются такие приёмы, как «выворотная логика» и «монополизация истины», с целью манипуляции восприятием: Россия представляется жертвой, вынужденной вести войну, а её действия – исключительно оборонительными. Такая подача способствует формированию мировоззрения, в котором инакомыслие и критика воспринимаются как угроза государственной стабильности, формируя у молодёжи предрасположенность к поддержке курса правящего режима.

Эмоционально окрашенная лексика, ироничные обороты и выборочные исторические аналогии – например, сопоставление участников «специальной военной операции» с ветеранами Великой Отечественной войны – усиливают идеологическую направленность учебного материала. Эти риторические средства закрепляют и углубляют контролируемый нарратив в образовательной среде.

Такая целенаправленная интеграция пропаганды в образование может рассматриваться как форма гибридной войны, направленной на формирование управляемой исторической памяти в интересах государства. Воздействуя на то, как

⁵⁸ Там же, с. 409.

будущие поколения интерпретируют прошлое и настоящее, режим укрепляет собственную власть, подавляет инакомыслие и маргинализирует альтернативные точки зрения. В результате формируется унифицированная, утверждённая государством картина мира, последовательно исключая конкурирующие интерпретации и поддерживающая существующую структуру власти.

References

- Apple M., *Ideology and Curriculum*. 3rd ed, London 2004.
- Carretero M., *Constructing patriotism: Teaching history and memories in global worlds*, IAP 2011.
- Giroux H.A., *Ideology, culture & the process of schooling*, London 1984.
- Holovakha Ye., Panina N., *Ukrainske suspilstvo 1994-2000*, Kyiv 2008.
- Jowett G.S., Donnell V.O', *Propaganda & Persuasion*, London 2019.
- Khasanova G., *Nation-building and values in Russian textbooks*, [in:] *Nation-Building and Common Values in Russia*, Lanham 2005.
- Korostelina K.V., *Legitimizing an authoritarian regime: Dynamics of history education in independent Russia*, [in:] *(Re)Constructing Memory: School Textbooks and the Imagination of the Nation*, ed. by James H. Williams, Rotterdam 2014.
- Kurbak M., *'Living the last chapter of History': Anxiety as a force for rewriting history textbooks in Putin's Russia and before*, "Memory, Mind & Media" 2023, vol. 2.
- Lisovskaya E., Karpov V., *Russian Education Thirty Years Later: Back to the USSR?*, "European Education" 2020, vol. 52 (3).
- Löblich M., Venema N., *Echo chambers: A further dystopia of media generated fragmentation*, [in:] *Digital roots: Historicizing media and communication concepts of the digital age*, ed. by G. Balbi, N. Ribeiro, V. Schafer, Ch. Schwarzenegger, Oldenbourg 2021.
- Moskwa D., „Putinowska” wizja przeszłości. Nowa koncepcja nauczania historii w świetle polityki historycznej Federacji Rosyjskiej, „Historia i Polityka” 2014, nr 18 (11).
- Pearce J.C., *Nasha Istoriia: The Russian revolutions, the state, school textbooks and public celebrations under Putin*, "Revolutionary Russia" 2019, vol. 32 (1).
- Somers M.R., Gibson G.D., *Reclaiming the Epistemological "Other": Narrative and the Social Constitution of Identity*, [in:] *Social Theory and the Politics of Identity*, Oxford 1994.
- Sproule J.M., *Channels of Propaganda*, Bloomington 1994.
- Stanley J., *How Propaganda Works*, Princeton University Press 2015.
- Starodubtseva A., *Współczesny rosyjskojęzyczny dyskurs medialny o tzw. „Russkim mirze” w krajach poradzieckich (na przykładzie Rosji, Ukrainy, Kazachstanu i Białorusi)*, Praca doktorska. Uniwersytet Jana Kochanowskiego w Kielcach 2024.
- Zajda J., Zajda R., *Globalisation, ideology and the politics of history school textbooks: Russia*, "Education and Society" 2012, vol. 30 (3).
- Zajda J., Zajda R., *The politics of rewriting history: New history textbooks and curriculum materials in Russia*, "International review of education" 2003, vol. 49.
- Zajda J., Zajda R., *The politics of rewriting history: new school history textbooks in Russia*, [in:] *International Handbook on Globalisation, Education and Policy Research: Global Pedagogies and Policies*, Dordrecht 2005.

INFORMACJA O AUTORCE

Anastassiya Starodubtseva: doktor, asystent w Zakładzie Językoznawstwa Synchronicznego i Diachronicznego Instytutu Literaturoznawstwa i Językoznawstwa Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach. **Publikacje: monografia:** «Внизу – власть тьмы, а наверху – тьма власти» Культурно-цивилизационный образ «Русского мира» в российском сетевом медиадискурсе [„*Władza mroku na dole i mrok władzy na górze*” (kulturowo-cywilizacyjny obraz „*Russkiego miru*” w internetowym dyskursie medialnym)]. Kielce 2025; **artykuły:** *Negative Connotations of the ‘Russian World’ Concept against the Backdrop of the Russian-Ukrainian War 2022*, “*Respectus Philologicus*” 2022, nr 42 (47), s. 141-153; *The Russian world: a Problem of Conceptualization*, [in:] *Conceptualization and verbalization of human experience*, ed. by O. Leszczak, Kielce 2022, s. 151-172; *The “Russian World” concept in the Ukrainian media discourse: some of the key narratives*, “*Przegląd Wschodnioeuropejski*” 2023, nr 14 (2), s. 139-152; *The axiological conceptual functions of the “Russian World” (Russkiy mir): mythologeme, cultureme, and ideologeme*, „*Acta Universitat is Lodziensis Folia Linguistica*” 2024, nr 58 (2), s. 427-437; *“Accusation in a mirror” in the rhetoric of Russian propagandists in the context of the Russian-Ukrainian armed conflict*, [in:] *Język jako świadectwo kultury. Język. Kultura. Społeczeństwo*, red. S. Cygan, t. VIII, Kielce: KTN 2024, s. 229-238.

ORCID: 0000-0001-5503-4759

Email: anastassiya.starodubtseva@ujk.edu.pl